

**ВИЗУАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ: ЦЕРЕМОНИЯ
ОТРЕЧЕНИЯ КАРЛА V КАК ИМПЕРАТОРА
ОТ НИДЕРЛАНДОВ И СВЯЩЕННОЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Введение¹

По представлениям раннего Нового времени должность даровалась государю Божьей милостью на время его жизни. Лишь смерть избавляла его от обязанностей. Это касалось и выборной монархии, ибо сами выборы, как считалось, были непосредственно Божьим актом. Конец правления лежал, таким образом, в руках Божьих и не подлежал людскому вмешательству. Перемена власти при жизни государя, следовательно, никогда не предусматривалась и в правовом смысле как *jus resignandi* нигде не фиксировалась². Тем более неслыханным было, если монарх отрекался добровольно и слагал с себя обязанности еще при жизни. Тем самым монархическая власть во всех частях (именно в аспекте прекращения своих функций) словно выводилась из под Божественной воли и стано-

---

¹ Речь идет о докладе, прочитанном в Санкт-Петербурге на конгрессе, приуроченном к юбилею русского медиевиста Юрия Павловича Малинина в мае 2016 г. Я сердечно благодарю за приглашение моего коллегу и друга проф. А. Ю. Прокопьева, с которым меня связывает партнерство, продолжающееся уже три года.

² Я искренне благодарна также за продуктивную дискуссию моему спутнику жизни Уве Пирлу, за критику при взгляде на проблематику раннего Нового времени — моему научному сотруднику Михаэлю Роту.

Frisch, H., von. Der Thronverzicht: Ein Beitrag zur Lehre vom Verzicht im öffentlichen Recht. Tübingen, 1906. S. 17ff.

© С. Рихтер, 2016

вилась людским решением. Но возбранялось ли поэтому государю отречение? Считалось ли отречение уклонением от ответственности перед Богом или же, несмотря на недостаток в регламентации, оно было созвучно современным воззрениям на власть? Становилось ли оно выражением политической или собственно династической стратегии, которая таила в себе шанс на осознанное новое начало или могла служить защите страны?³

При этом следует исходить из предположения, что всякое отречение монарха как и его восшествие на престол являло правовой акт (*actus resignationis*), который однако покоился на добровольном решении отказа от власти (отречении) или политически вынужденном уходе (вынужденное отречение или смещение)⁴. Для подобного правового акта, впрочем, ни в одной европейской стране не имелось никаких регламентов. Отсюда я формулирую тезис, что акты отречения в раннее Новое время являли конструкт, созданный обратным порядком различных элементов церемониала восшествия на престол (выборы, коронация или присяга), равно как церемониальными актами, следовавшими обычно за кончиной государя и при наследовании власти преемником⁵.

Церемониал отречения для Нидерландов Карла V⁶ — так звучит первый тезис — состоял из различных элементов церемо-

---

³ Дискурс об отречении как решении самого человека, властной компетенции и связанных с ним обязательств развернется лишь после отречения Карла V.

⁴ Лишь если властитель оставляет при этом собственную сферу деятельности можно по логике вещей говорить об отречении вообще. Подобная сфера не предполагает необходимым отсутствие внешнего давления. Проблематику терминов см.: Richter, S., Dirbach, D. Einleitung, in: *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit* / Hrsg. von S. Richter; D. Dirbach. Wien, 2010. S. 9–21.

⁵ Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt. Die Abdankung als Herrschertod, in: *Thronverzicht*. S. 75–94. Ср. также: Bauer, M. Das große Nein — Zum Zeremoniell der Resignation, in: *Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit* / Hrsg. von J. J. Berns; T. Rahn. Tübingen, 1995. S. 99–124.

⁶ По самому процессу отречения Карла V основополагающе см.: Conrads, N. Die Abdankung Kaiser Karls V.: Abschiedsvorlesung gehalten am 23. Juli 2003 in der Universität Stuttgart. Stuttgart, 2003; Mayer, M. Individualität und Zurückhaltung. Die Resignation Karls des Fünften in Brüssel, in: *Kaiser Karl der Fünfte. Rede vor den Generalstaaten der Niederlande am 25. Oktober in Brüssel* / Hrsg. von M. Mayer. Hamburg, 2001. S. 17–53.

ниала восшествия на престол, собственно коронации или присяги, поставленных в обратном порядке⁷. Кроме того, он вычленил составные образующие актов, которые обычно осуществлялись по смерти государя и сопровождали передачу власти наследнику. Центральным пунктом исследуемого отречения Карла V стала речь, пояснявшая причины ухода. Ее следует рассматривать главным ядром всего акта и связующим звеном между визуальными элементами. Она вела к юридическому исполнению отречения посредством подписи под актом отречения.

Одновременно речь обосновывала — и это второй тезис — редукцию обоих тел монарха за счет образного переноса «политического тела» на «тело естественное». Юридически отречение означало поэтому символическую смерть персоны властителя и его властных полномочий.

Эта символическая смерть позволяет предполагать — и таков третий тезис — тесную связь прощальной речи по содержанию и интенциям с государевыми завещаниями.

Церемониал отречения рассматривается ниже на примере сложения властных полномочий Карла V в Нидерландах 25 октября 1555 г. как императора в Священной Римской империи. Прежде, впрочем, следует остановиться на теоретических аспектах литературы о государевом этосе («княжеских зеркалах»).

Отречении в литературе о «княжеском этосе»

С XVI в. государь с помутненным рассудком, телесно разбитый или дряхлый и, тем самым, политически недееспособный уподоблялся отнюдь не оставленному Богом царю Саулу в Ветхом

⁷ Что конец правления ориентируется на его начало, кажется вполне логичным. Тезис был представлен в компиляциях о «науке о церемониях», таких как, например, Люнига в его «Европейском театре». Люниг объединяет представления о восшествии на престол и отречении в разделе «О церемониях при вступлении в правление/также отречении властителей и высоких господ» (Caput XXIII): *Johann Christian Lünig. Theatrum Ceremoniale Historico-Policum: Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Päbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden. Auch wie Käyser, Könige, Chur- und Fürsten, Grafen und Herren... einander in Briefen tractiren, Nebst unterschiedlichen Hof-Ordnungen. Leipzig, 1720. Т. 2.*

Завете⁸. Он рассматривался в большей мере как заслуживающая сострадание и помощи персона, которой, по гуманистической традиции, должны были помочь средства телесного исцеления, перемена мест, музыка, движение на свежем воздухе в форме охоты и выездов. Но в первую очередь, следовало искать Божью поддержку, в покаянии, исповедуясь в собственных грехах. С протестантской точки зрения Господь должен был даровать утешение и посредством его явить помощь. В XVI в. в протестантских землях возник жанр многочисленных «книг утешения» (*Trostbücher*), каковые обращались к правящим государям и пытались посредством духовного наставления и советов об образе жизни облегчить бремя государевой ноши⁹. Эту же форму использовали и католические «государевы зеркала».

Обе возможности испросить Божественную поддержку или посредством телесного исцеления одолеть кризис постоянно отражались в современных «княжеских зеркалах». Звучало неприятие меланхолии и требование к очищению от грехов, каковые государей «иссушают и обнажают больше других людей, так что если в чем у них недостаток, то тяжелей он будет для них, нежели для других». Так рассуждал, например, Вольфганг Зайдель в своем зеркале «Как должно христианскому государю, коему надлежит страной и людьми править, воздерживаться от ущербных фантазий и утишаться во всякой нужде» в 1545 г.¹⁰ «Княжеские зеркала» имели целью даровать помощь и утешение, защитить монарха

---

⁸ *Tersch, H.* Die schwermütige Betrachtung des Kometen — Politik und Emotion im «Weißkunig», in: *Das dargestellte Ich: Studien zu Selbstzeugnissen des späteren Mittelalters und der frühen Neuzeit.* / Hrsg. von K. Arnold; S. Schmolinsky; U. M. Zahnd. Bochum, 1999. S. 63, 81ff. Относительно меланхолии как мотива отречения ср. также: *Bauer, M.* Das große Nein. S. 101ff.

⁹ Укажем лишь на отдельные примеры протестантской литературы об утешении, адресованной князьям: *Leonhard Werner.* Fürstlicher Trostspiegel, vnd Christlicher Seelen trost: Jn Wellichem gründtlich verleibt ist, wie eines Fürsten vnd Regenten hertz, sampt seinen Christlichen ehrliebenden vnterthanen... wider so mancherley versuchung vnd arglistigen anlauff verwaret sol sein. Frankfurt am Main, 1564.

¹⁰ Цит. по: *Singer, B.* Die Fürstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des Humanismus und der Reformation: Bibliographische Grundlagen und ausgewählte Interpretationen: Jakob Wimpfeling, Wolfgang Seidel, Johann Sturm, Urban Rieger. München, 1981, S. 255. По Зайделю и его работе исчерпывающе см.: *Singer, B.* Die Fürstenspiegel. S. 251–270.

в его правительственной повседневности. Альтернативы, такие как оставление трона, отречение и возвращение к частной жизни, напротив, в них едва ли затрагивались и даже отвергались уже вслед за отречением Карла V¹¹.

Найдется, впрочем, одно исключение, пожалуй, известное Карлу V: Эразм Роттердамский посвятил в 1516 г. свое «Наставление христианского государя» в качестве пособия по правлению тогда же ставшему совершеннолетним властителю. Не стесняясь, он разворачивает пред очами своего адресата всю тягость и бремя власти, ведущей к жизни, лишенной покоя, выставляет ее обладателя, испившего радость юности, телесно разбитого и в силу трудных решений вынужденного проводить бессонные ночи¹². Эразм решительно ставит публичную пользу всякого дела перед частными соображениями властителя и требует постоянного контроля его действий к общему благу. Необходимый критический взгляд на собственные поступки, по мнению Эразма, имел также важные последствия для самой власти: «Denique non potes tueri regnum, nisi violata justitia, nisi magna sanguinis humani iactura, nisi religionis ingenti dispendio: depone potius ac cede tempori. Non potes succurrere rebus tuorum, nisi vitae tuae periculo: Publicam salutem antepone vitae»¹³.

Не личные, душевные или телесные обстоятельства оправдывали, по мнению Эразма, уход на покой, но мысль причинить собственным правлением больше ущерба, чем пользы. Именно

¹¹ Георг Энгельхард фон Ленеисс, например, писал в своем «Искусстве двора, государства и правления» (1679), что государю или правителю надлежит «in seinem Ammt/ wegen vieler grosser Mühe und Gefährlichkeit nicht überdrüssig werden/ noch dasselbe verlassen». Ленеи советует в тяжелое для правления время искать помощи у Всевышнего: *Georg Engelhard von Löhneys. Hof= Staats= und Regierungskunst. Franckfurt a. Main, 1679. S. 96.*

¹² *Erasmus von Rotterdam. Institutio Principis Christiani. Fürstenerziehung / Hrsg. von A. J. Gail. Paderborn, 1968. S. 67.* Об отношениях Эразма и Карла V см.: *Ribhegge, W. Erasmus und Karl V. — Der Intellektuelle und die Politik, in: Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V. / Hrsg. von C. Strosetzki. Frankfurt am Main, 2000. S. 159–187.*

¹³ «Может статься, что ты свою власть сможешь утвердить лишь ценой правонарушений, кровопролития и религиозных преследований: и тогда лучше отрекись и облегчи положение вещей. И коли интересы своих граждан ты сможешь защитить лишь с опасностью для собственной жизни, то государственная власть всяко должна иметь первенство перед твоею жизнью» (*Erasmus von Rotterdam. Institutio Principis Christiani. S. 66f.*)

это соответствовало и взгляду Карла V. Он не добился своей цели восстановить единство христианского мира. Руководящими политическими линиями его правления были его личное представление о вере и идея «универсальной монархии»¹⁴ в смысле «покровителя и защитника церкви». Потому Карл не разделял намерения своего брата короля Фердинанда I заключить религиозный мир в Империи с протестантскими князьями¹⁵. Эразм Роттердамский указывал в своем «Наставлении» лишь одну причину для возможного отречения как смягченного решения ситуации. Если же сложение полномочий невозможно, то «[Quod si] non licet, certe in huiusmodi quempiam reiice functionem, cuiusmodi te ipsum praestare oportebat»¹⁶. Эразм влагал в руки Карла инструментарий регентства, который император уже долгие годы с успехом использовал совместно со своим братом Фердинандом I и сестрой в Брюсселе. Именно благодаря опыту представительства короля Римского и наместника Нидерландов обнаруживались качества будущих правителей у сестры и брата¹⁷. Фердинанду I доверяли импер-

¹⁴ Целью «универсальной монархии» было мирное состояние, охватывающее весь мир, который может быть создан и гарантирован лишь сильным императором: *Strohmeier, A.* Karl V. und die Universalmonarchie in der deutschen Geschichtsforschung, in: *The histories of Emperor Charles V: Nationale Perspektiven von Persönlichkeit und Herrschaft* / Ed. M. Fuchs, S. Dixon. Münster, 2005. S. 45–61; *Bosbach, F.* Monarchia universalis: Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen, 1988.

¹⁵ Об отношении между братьями см.: *Neuhaus, H.* Römischer König im Schatten des kaiserlichen Bruders? Zum Verhältnis zwischen Karl V. und Ferdinand I., in: *Karl V. 1500–1558: Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee* / Hrsg. von A. Kohler. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. S. 345–358.

¹⁶ «...nicht erlaubt ist, übertrage die Wahrnehmung der Regierungsgeschäfte einem, der so ist, wie du sein müsstest» (*Erasmus von Rotterdam.* Institutio Principis Christiani. S. 11).

¹⁷ *Fühner, J. A.* Die Kirchen- und die antireformatorische Religionspolitik Kaiser Karls V. in den siebzehn Provinzen der Niederlande 1515–1555. Leiden, 2004. S. 170. Канцлер Гаттинара формулировал в 1521 г. категории «универсальной монархии»: абсолютно легитимная и юридически дееспособная власть государя и владычество императора как пастыря над всем земным шаром ради достижения всеобщего мира: *Lautemann, W.* Renaissance, Glaubenskämpfe, Absolutismus. München, 1966. S. 212f. Эразм Роттердамский был противоположного мнения: достоинство пастыря мог нести лишь Христос: *Headley, J. M.* Gattinara, Erasmus, and the Imperial Configurations of Humanism, in: *Archiv für Reformationsgeschichte — Archive for Reformation History*, 1980. Vol. 71. P. 72.

ские сословия и в текущих делах, которые, очевидно, требовали общеимперского согласия, он был самым подходящим на место императора. Теперь же благодаря Карлу через ритуал отречения регент мог превратиться в настоящего правителя, а сын получить в качестве молодого и опытного наследника Нидерланды.

Церемониал отречения Карла V в Брюсселе

Отречение следует воспринимать как церемониал: единое по значению, структуре и репрезентации событие за счет его коммуникативного аспекта, его знаковой плотности и широкой публичности. При этом сам церемониал отражает меняющиеся порядки и действующее право. Исполнение его свободно конструируется через ведущих участников¹⁸.

А. Освобождение подданных от присяги в речи об отречении

Сам Карл V при отречении пребывал в своих нидерландских владениях¹⁹. Он восседал на троне в Брюсселе в траурном облачении по случаю кончины матери, последовавшей за несколько недель до того. Рядом с ним находились его сестры, вдовствующая королева Элеонора и Мария, наместница в Нидерландах, по правую руку от него занял место его наследник принц Филипп.

¹⁸ Основополагающие работы по проблематике церемониала и ритуала см.: *Stollberg-Rilinger, B.* Zeremoniell, Ritual, Symbol, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 2000, No. 27. S. 391f. Термин «перформанс» производное от английского *to perform*, означает «представлять», что-либо «осуществлять». Термин этот был акцентирован Джоном Остином в рамках его теории языковой акции, выражением которой становится одновременность слова и действия. При этом «перформативность» указывает на своеобразии реальности. Одновременно проступает и социальная реальность, выраженная посредством перформативного действия. См.: *Austin, J. L.* Zur Theorie der Sprechakte: Bibliogr. erg. Ausg. 2002. Stuttgart: Reclam, 2014. S. 29; *Fischer-Lichte, E.* Ästhetik des Performativen. Frankfurt am Main, 2004. S. 31ff. По церемониалу отречения основополагающая работа: *Richter, S.* Zeremonieller Schlusspunkt... S. 75–94.

¹⁹ Это не относится к отречению Карла V как императора. Так же и ландграф Мориц Гессен-Кассельский не присутствовал при собственном отречении в 1627 г. Ср. также: *Eßer, R.* Landgraf Moritz' Abdankung und sein politisches Vermächtnis, in: *Landgraf Moritz der Gelehrte: Ein Kalvinist zwischen Politik und Wissenschaft* / Hrsg. von G. Menk. Marburg, 2000. S. 196–214.

Присутствовали также представители Генеральных штатов Нидерландов и члены Ордена Золотого Руна²⁰.

При взгляде на эти лица речь идет об исключительно элитарной группе, обладавшей персональными связями с отрекающимся государем и его наследником. Кроме того, присутствовавшие представляли связь ушедшего правителя со своими подданными, Мария же как наместница выступала и в функции главы Нидерландов. Подобного рода избранная общественность становилась свидетельницей отречения как последнего публичного и правового акта монарха. Более того, наследник и многолетние управленцы были также активно вовлечены в подготовительные действия.

Перед этим собранием Карл V велел своему советнику Филиберу Брюссельскому зачитать речь об отречении. Самой важной ее составляющей было объявление об освобождении «...всех до нынешнего дня подданных от их клятвы и присяги, посредством коих были связаны они с нами как с государем их и повелителем»²¹.

Освобождение подданных от обязательств было важнейшей частью прощальной речи. Она словно бы распускала в правовой форме отношения власти и зависимости между правителем и его подданными, заключенные посредством присяги и главным образом клятвы²². Если присяга при начале правления служила установлению обязательств подданных перед властью, то отречение следовало принципу обратного порядка. Оно освобождало подданных от присяги через их представителей, вместе с выражением благодарности за многолетнюю верность по отношению к правителю. Как и во время присяги, так и при отречении государь, прощаясь, выслушивал ответ сословных представителей. Они в последний раз просили его остаться на троне и благодарили за доброе правление — в смысле топоса защиты и покровительства. Своей благодарностью они признавали отречение как освобожде-

---

²⁰ О церемонии отречения Карла V в Брюсселе прежде всего см.: *Conrads, M.* Die Abdankung Kaiser Karls V.

²¹ *Johann Christian Lünig.* Theatrum Ceremoniale Historico-Policum. Т. 2. P. 809.

²² По проблематике присяги основополагающий труд: *Holenstein, A.* Die Huldigung der Untertanen: Rechtskultur und Herrschaftsordnung (800–1800). Stuttgart/New York, 1991. Холенштейн, впрочем, не затрагивает обратный порядок церемониала присяги и не рассматривает освобождение подданных от клятвы верности в связи с отречением.

ние от всех обязательств по отношению к государю. Это признание соответствовало легитимации властителя во время акта присяги. Консенсус между государем и подданными, явленный при свершении присяги, был, тем самым, очевиден и при его уходе.

Подданные просили государя остаться правителем, и тем самым свидетельствовалось, что уход не был следствием испорченных отношений между властью и подданными или насильственного смещения, но базировался на одностороннем волеизъявлении государя.

Б. Обзор собственного правления и введения наследника в речи об отречении

Карл V в речи об отречении, оглядываясь назад, затрагивал — большей частью шаблонно по образу «доброе правления» — свое личное стремление воплотить идеал «отца отечества».

В качестве мотивов сложения царственных полномочий указывался стереотип телесной немощи в смысле все большего упадка сил, глубокая старость и болезнь. Постоянная и растущая телесная слабость служила, в первую очередь, обоснованием неспособности к правлению и предполагала дополнительное объяснение душевной слабости или меланхолии.

Телесно и душевно больной и вместе с тем, вероятно, политически недееспособный монарх становился незащищенным и рисковал стать игрушкой в руках придворных групп, нанести вред справедливому и утверждавшему справедливость правления. Император Карл V видел, таким образом, свое отречение признаком силы: в ясном сознании и здравом суждении о своих ослабевающих силах он отрекался ради всеобщего блага и своевременно передавал власть молодому, способному наследнику. В смене поколений виделся большой шанс на успешное продолжение правления, нежели при оставлении старого властителя.

Привстав с трона, Карл в своей речи отметил состояние собственного здоровья, достойное сожаления²³, и сослался на долгое,

²³ Петер Шнейдер предполагает в своем исследовании о подагре Карла V психосоматическое расстройство, повлиявшее не в последнюю очередь на его душевное и психическое состояние. Болезнь по Шнейдеру предопределила самоиндукцию психической боли. И поскольку его телесное и душевное состояние не позволяло реализовать собственные высокие стремления, Карл испытывал печаль и сострадание к самому себе. К этому же добавлялись и

свыше чем 40 лет правление в бельгийских провинциях, равное по продолжительности и в других частях державы. Вспомнил он и свои частые и тяжкие разъезды. Затем император подвел критический итог своему царствованию. Он оправдывал некоторые свои войны и сожалел, что не смог сберечь для нидерландских Генеральных штатов продолжительный мир. Рефлексивно он признавался сам себе «(...) во всяческих заблуждениях», в каковые впадал в силу «юношеской неопытности, гордыни цветущего возраста или посредством слабости человеческой природы» и заверял, что ни разу в силу принуждения или добровольно не чинил бесправия. На случай же, если таковое все же имело место, просил Карл всех тех, кто был «таким образом, сильно задет и ныне обретается здесь, равно как и тех из них, кто отсутствовал, простить меня»²⁴. После этих слов, как сообщает анонимный информатор, Карл V взял короткую паузу и сел вновь. Сестра же его Элеонора протянула ему кубок с освежающим напитком, символизовавший пошатнувшееся здоровье императора²⁵.

Затем Карл V обратился к своему сыну Филиппу: «Коли войдешь ты по смерти моей в управление здешними провинциями, то укрепило бы меня столь прекрасное наследие в твоей благодарности. Но ныне ж, когда в *канун смерти* (выделено автором. — *Прим. ред.*) я добровольно передаю его к твоему благу, ожидаю я, что любовь и забота, каковые ты даруешь своему народу, достойны и меня в той мере, в какой я заслужил такой милости»²⁶.

приступы меланхолии, сопровождавшиеся депрессивными фазами, которые могли лишь усилиться в конце жизни. См.: *Schneider, P.* Die Gicht als psychosomatische Erkrankung am Beispiel des Vater-Sohn-Verhältnisses von Kaiser Karl V. und Philipp II. München/Leipzig: Schneider, 1996. S. 21–25.

Основополагающе по болезням князей: *Nolte, C.* Der kranke Fürst: Vergleichende Beobachtungen zu Dynastie- und Herrschaftskrisen um 1500, ausgehend von den Landgrafen von Hessen, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 2000. Vol. 27. S. 1–36.

²⁴ Ansprache Karls V. vor den Deputierten der niederländischen Generalstände, Auszug, Brüssel 25. Oktober 1555, in: *Kohler, A.* Karl V. 1500–1558: Eine Biographie. Berlin, 2005. S. 467.

²⁵ Rede vor den Generalstaaten der Niederlande am 25. Oktober 1555 in Brüssel / Hrsg. von M. Mayer. Hamburg, 2001. S. 13; Ansprache Karls V. vor den Deputierten der niederländischen Generalstände, Auszug, Brüssel 25. Oktober 1555, in: *Kohler, A.* Quellen zur Geschichte Karls V. Darmstadt, 1990. S. 468.

²⁶ *Kohler, A.* Quellen zur Geschichte... S. 468.

Зримое низложение власти

Последнее действие монарха состояло в подписи (*signum*) под актом отречения, что означало собственно «*resignatio*». Вслед за тем старый властитель сошел по ступеням трона и на глазах у всех покинул зал. В то же время низложенные инсигнии власти и сам наследник остались в зале. Фигура наследника символизировала таким образом преемственность династии, надлежавшей одолеть любой кризис.

В церемониале был отражен новый правовой статус отрекшегося монарха: при его отречении как наследного государя Испании и Нидерландов Карл V опирался на принца Оранского и оставил брюссельский зал как «его величество без владений». Исходя из представления, что Бог дарует свою милость не отдельному государю, но целому роду, который избран властвовать, всякий отрекшийся от этой власти сохраняет свое величие. Это касалось и Карла, хотя и лишённого короны, но на веки помазанного монарха. Он сохранил титул «Его Величества».

Путь вел монарха из активной, политической жизни (*vita activa*) в жизнь созерцательную (*vita contemplativa*), монастырское уединение в Испании под стенами монастыря Св. Юста. Пребывание в монастыре или сельская жизнь должны были в соответствии с советами «государевых зеркал» помочь исцелить меланхолию — следствие придворной болезни и бремени власти.

В. Отречение как смерть государя

Карл V в своей речи подчеркнул, что отречение словно проходило в канун кончины. Но почему ему казалось необходимым свой уход юридически приравнять к смерти?

Путем юридического уравнивания отречения со смертью «политическое тело» перемещалось и редуцировалось до «тела натурального»²⁷. Уравнивание со смертью содержало завершенность, которая должна была создать гарантированную правоспо-

²⁷ Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt... S. 78; Kantorowicz, E. Die zwei Körper des Königs: Eine Studie zur politischen Theologie des Mittelalters. München, 1990. S. 219–294; Wende, P. «Das Herrscherbild des 17. Jahrhunderts in England», in: Das Herrscherbild im 17. Jahrhundert / Hrsg. von K. Repgen. Münster, 1991. S. 72f.

собность для его наследников. Если бы отрекшийся государь повел себя иначе и решил вернуться к власти или участвовать в соправлении, возникла бы опасность хаоса в стране и династии. Подданные и члены семьи из-за противоречивых актов присяги могли в этом случае оказаться в расколе, и решения, из-за неясного положения вещей, тормозились бы или не принимались бы вовсе. Подобное положение исключалось благодаря правовому инструментарию, приравнявшего отречение к смерти монарха. Амбициозная игра властью и тронем становилась теперь невозможной. Смерть открывала путь и наследнику престола. Разрыв и время безвластия, угрожавшее кризисом, наступить, таким образом, не могли.

Приравнивание отречения к «гражданской смерти» принуждало правителя к последним правительственным делам, воплощавшимся, как правило, во вскрытии завещания и толковании содержания. Осуществлялось это путем оглашения тех частей завещания, которые подлежали публичному ознакомлению²⁸.

Потому не только церемония отречения и государевой смерти, но и содержание речи об отречении и государева завещания во многих пунктах совпадали друг с другом. Это касалось в особенности:

- Введения наследника и передачи власти наследнику с целью передачи власти в смысле политического и династического континуитета. В наследной монархии речь шла о единстве отца и сына. Идентичность предшественников и наследников должна была оформить переход без больших проблем. В выборных монархиях отречение или фактическая смерть государя вели, напротив, к междуцарствию и вакантности трона, которая нередко становилась источником кризиса.

- Завещания и прощальные речи содержали оценочные рефлексии: бывший монарх публично признавался в ущербах и неисполненных замыслах, либо оправдывал неурядицы, объявлял о решениях или же брал на себя ответственность за вольные или невольные ошибки. К тому же речь шла и о том, чтобы неисполненные дела с открытым сердцем передать наследнику, дабы

---

²⁸ Ср.: *Richter, S. Fürstentestamente der Frühen Neuzeit: Politische Programme und Medien intergenerationeller Kommunikation. Göttingen, 2009.*

добиться их осуществления в ближайших поколениях. «Государевы завещания» и прощальные речи получали таким образом важную функцию: они служили авторам в качестве свидетельств личной оценки бременной жизни и правительственных свершений.

- В тесной близости с этим обнаруживалась в них и просьба простить причиненные несправедливости²⁹. Посредством просьбы о прощении земных прегрешений в качестве письменного исповедания завещание должно было выступать своеобразным «пропуском» в небесное царство. Поскольку власть государю дарована Богом, то сам государь по смерти, представ перед Творцом, должен был дать ему отчет в своем правлении. Отчитаться же еще при жизни и исповедаться в ней считалось по староцерковной традиции последним долгом человека. Принимая это во внимание, кажется вполне логичным, что властитель открывает свои заблуждения и просит за них прощения на этой земле перед Господом, инстанцией его избравшей, и наследником.

- Также важнейшей частью государевых завещаний и прощальных речей была благодарность подданным, двору и аппарату управления за верную службу и многолетнюю верность.

- Наряду с этим содержались и наставления новым правителям. Они выступали выжимкой многократно встречавшихся назиданий со стороны гуманистов и протестантских теологов о необходимости нести ответственность и хлопотать над добродетелями будущего наследника, равно как и гарантировать в будущем справедливую власть и доброе правление. Эти призывы следует рассматривать конечным пунктом воспитания наследника.

Завещания и прощальные речи в наследных монархиях были вместе с тем важным средством информации и коммуникации

---

²⁹ Карл V заявлял при своем отречении в Нидерландах, что он «ни разу не учинил по совести или добровольно всякую несправедливость или насилие, и других к тому не побуждал и не уполномочивал. Если же вопреки этому поступки подобного рода все же имели место, то торжественно заверяю я Вас, что чинил я их неосознанно и против собственного намерения, и прошу я тех, каковых я тем самым задел, и каковые еще сегодня здесь обретаются и тех, каковых нет, меня простить». Цит. по: Rede vor den Generalstaaten. S. 13. Эти извинения обнаруживаются в многочисленных княжеских завещаниях раннего Нового времени: *Richter, S. Fürstentestamente...* S. 228–237.

между государем и его наследником, образовывали содержательную связь между двумя поколениями властителей одной династии³⁰. Благодаря тому что отречение и принятие правления наследником были объединены в одной церемонии, становилась зримым династический континуитет и вместе с тем непрерывное отправление властных полномочий. Той же цели служило при вскрытии завещаний подтверждение уже при должности находившегося наследника, присутствовавшего при чтении текста собственно завещания. Обязанность наследника при взгляде на этические и конфессиональные основания предшественника должны были успокоить и исключить возможные тревоги подданных. Отчет в собственных правительственных свершениях отрекавшегося и завещавшего государя являл свидетельство предшествовавших усилий и призван был оправдать отречение перед Богом, наследником и подданными.

Церемониал отречения императора в Священной Римской империи

Решение Карла отречься от имперской короны не имело под собой ни настоящего прецедента³¹, ни регулирующего механизма, зафиксированного в Золотой Булле. Собственно не было вообще никакой правовой легитимации, способной оправдать и сопроводить его шаг.

По мнению Карла, подобно тому как были переданы полномочия для Фердинанда, его отречение от имперского титула *оправдывалось* «полнотой нашей имперской власти и полномочий»³². В этом указании на «полноту власти», *plenitudo potestatis*, Карл давал понять, что не нуждался в подтверждении своего решения курфюрстами и рейхстагом. Своим отъездом в Испанию он под-

---

³⁰ О том, как понимались династические поколения государями раннего Нового времени в Старой империи: *Richter, S. Fürstliche Testamente als Medium intergenerationeller Kommunikation*, in: *Graue Theorie: Die Kategorien Alter und Geschlecht im kulturellen Diskurs.* / Hrsg. von H. Hartung; C. Streubel. Wien/Köln/Weimar, 2007. S. 265–292.

³¹ Только Лотарь I летом 855 г. отрекся, очевидно, по состоянию здоровья и поделил империю между сыновьями. Насколько этот случай был знаком Карлу, остается открытым. Кратко см.: *Frisch, H., von. Der Thronverzicht.* S. 24f.

³² *Vollmacht Kaiser Karls V.* S. 414.

твердил свое решение. Возможное противодействие курфюрстов не принималось в расчет³³.

Заявление об отречении как императора Старой империи содержалось в инструкции его брату Фердинанду I, датированной августом 1556 г., которое вступало в силу после публичного провозглашения Фердинанда императором³⁴. В своем последнем решении Карл назначал брата правителем на свое место, что, впрочем, следовало в традициях его предыдущих разездов, когда император отсутствовал в Империи³⁵. Но в послании отмечалось, что отныне не должно считаться с его возвращением в Империю. Специальных указаний относительно церемониала и исполнения его ухода Карл в своей инструкции не оставил³⁶. Однако характерным моментом, показывавшим его точку зрения, стало желание считать себя «уже покоившимся в объятиях смерти»³⁷. Здесь обнаруживались параллели с его отречением в Брюсселе для Нидерландов.

Золотая Булла регулировала последствия смерти лишь одним правилом: «Если кончина императора или короля Римского стала

³³ Vollständige Instruktion. S. 406f.

³⁴ Neuhaus, H. Von Karl V. zu Ferdinand I. Herrschaftsübergang im Heiligen Römischen Reich: 1555–1558, in: *Recht und Reich im Zeitalter der Reformation: Festschrift für Horst Rabe* / Hrsg. von Ch. Roll. Frankfurt/Berlin/Bern/Wien, 1997. S. 419.

³⁵ Kotulla, M. Deutsche Verfassungsgeschichte: Vom Alten Reich bis Weimar (1495–1934). Berlin/Heidelberg, 2008. S. 55; Mayr, J. K. Die letzte Abdankung Karls V. (16. Jänner 1556), in: *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse*, 1931. S. 143–145 (под последним отречением Майер полагает испанское 16 января 1556 г.). Отречение как императора он даже не принимает во внимание.

³⁶ Прощальный мандат Карла V (7 сентября 1556 г.) был напечатан в: Johann Wilhelm Hoffmanns Sammlung: Ungedruckter und zu den Geschichten, auch Staats-Lehn-und andern Rechten des Heil. Römischen Reichs gehöriger Nachrichten, Documente und Urkunden. Halle, 1736. Bd. 1. S. 14–17. И частично перепечатан: DRTA Reichsversammlungen 1556–1662: Der Kurfürstentag zu Frankfurt 1558 und der Reichstag zu Augsburg 1559 / Hrsg. von J. Leeb. Göttingen, 1999. S. 398f. Здесь цит. по: Johann Wilhelm Hoffmanns Sammlung. S. 15.

³⁷ Устная реплика имперских посланников на дублику по вопросу представления («препозиции») съезда курфюрстов 1558 г.: DRTA Reichsversammlungen 1556–1662... S. 425.

³⁸ Выдержка из инструкции императора Карла V для его посланцев на съезде курфюрстов 1558 г.: DRTA Reichsversammlungen... S. 404. Ср. также: Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt. S. 87.

известна в архиепископстве Майнц, то надлежит по его распоряжению и прошению в течение месяца со дня кончины государя публично известить об том в своем послании всех курфюрстов [и пригласить их на выборный съезд. — С. Р.]».³⁸ Использовать подобного рода процедуру однако не входило в намерения Карла. Его символическая смерть должна была ускорить ход событий: Фердинанд I должен был стать государем подчеркнуто как при жизни императора выбранный наследник, *vivente imperatore*³⁹. Считать Карла уже в правовом смысле покойным входило и в намерения Фердинанда, поскольку должно было облегчить передачу власти и гарантировать длительный покой.

Ход брюссельского отречения для Нидерландов стал известен курфюрстам. Курфюрст Трира, имея в виду необходимость большей торжественности, полагавшейся имперской короне, заявил «что Их Светлостям курфюрстам следует напомнить о скромности торжеств, случившихся в Нидерландах при отречении в наследных землях»⁴⁰. Тем самым становится ясным сравнение брюссельского отречения Карла и его отказ от правления в Империи во Франкфурте. Самое большое отличие заключалось в отсутствии самого отрекшегося во Франкфурте. Впрочем, своеобразным замещением — хотя и не телесным — следует считать чтение акта об отречении, в котором символически звучал голос самого монарха⁴¹. Таким образом брюссельское отречение обрело публичность и во Франкфурте. При этом во Франкфурте был в меньшей степени представлен семейный круг Карла и в большей мере, в согласии с его хлопотами видеть в Империи единое целое, народ наряду с курфюрстами. Врата храма были не заперты, доступ простонародью был открыт.

³⁸ Fritz, W. D. Die Goldene Bulle. Das Reichsgesetz Kaiser Karls IV. vom Jahre 1356: dem Gedächtnis und der Würdigung Karls IV., römisch-deutscher Kaiser, König von Böhmen. Weimar, 1978. S. 48; Müller-Mertens, E. Geschichtliche Würdigung der Goldenen Bulle, in: Die Goldene Bulle. Das Reichsgesetz Kaiser Karl IV. vom Jahre 1356 / Übersetz. von W. D. Fritz, Weimar, 1978. S. 9–34.

³⁹ Neuhaus, H. Von Karl V. zu Ferdinand I... S. 431.

⁴⁰ Протокол съезда курфюрстов во Франкфурте (15 февраля – 19 марта 1558 г.) опубликован в: DRTA Reichsversammlungen 1556–1662. S. 301–396. Здесь — протокол от 28 февраля (Трир): DRTA Reichsversammlungen 1556–1662. S. 310.

⁴¹ О телесном присутствии умерших или символической смерти в речах ср.: Richter, S. Fürstentestamente der Frühen Neuzeit... S. 130–139.

Как и в Брюсселе, центральным актом во Франкфурте стало чтение прокламации об отречении посредством представляющего государя лица (состоявшего из волеизъявления и по содержанию идентичного брюссельскому акту). Впрочем, в отличие от Брюсселя здесь не содержался обзор минувшего правления и причины отречения. Последние было весьма примечательно, поскольку Карл именно в своей телесной немощи видел существенную причину к отречению, и сравнивал его со своей кончиной как государя. В прокламации Карла лишь указывалось на передачу власти Фердинанду. В точном соответствии с введением в должность по завещанию и чтением его по смерти самого завещавшего Фердинанд был объявлен *vivente imperatore*, т. е. наследником при жизни предшественника. Как и в брюссельском тексте, здесь Карл подчеркнуто освобождал присутствовавших и отсутствовавших подданных и сословия от присяги на верность. В прокламации императора значилось, что подданные, в особенности курфюрсты, «должны совершенно оставить свои клятвы и присягу»⁴². Тем самым обосновывалась невозможность всякого возобновления правления⁴³, невозможность, инициированная самим Карлом, а не курфюрстами. Чтение самого документа обозначало символическое присутствие самого Карла в его словах. Громкое возглашение служило дополнительным риторическим компонентом устной речи в отношении к письменному свидетельству. Процедура была схожа со вскрытием и чтением завещания усопшего государя. Как и при вскрытии завещания, также и здесь посредством озвученного текста менялось существующее положение вещей⁴⁴: возвещалось отречение Карла, его подразумевавшаяся кончина и вступление в наследство Фердинанда.

О «зримом низложении власти»⁴⁵ можно было бы вести речь в сравнении с Брюсселем лишь условно. После извещения об

⁴² Proklamation Ferdinands I. S. 438.

⁴³ Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt. S. 82. С восшествием на престол Фердинанда курфюршеские достоинства даровались вновь.

⁴⁴ По вопросу церемониального регламента ср.: Berns, J. J. Der nackte Monarch und die nackte Wahrheit. Auskünfte der deutschen Zeitungs- und Zeremoniellschriften des späten 17. und frühen 18. Jahrhunderts zum Verhältnis von Hof und Öffentlichkeit, in: Hof, Staat und Gesellschaft in der Literatur des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von E. Blühm. Amsterdam: Rodophi, 1982. S. 336 f.

⁴⁵ Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt. S. 85.

отречении Фердинанду был передан только текстовый документ с прощальной прокламацией. «...Его королевскому величеству воистину представлена и передана *cedulum renunciationis*». Чтением и передачей документа Фердинанду была скреплена воля Карла уйти на покой.

Свершившийся 14 марта 1558 г. акт заслуживает двоякой интерпретации. С точки зрения Карла речь шла о воплощении и придаче зримости давно (в 1556 г.) свершившемуся и юридически обоснованному отречению, основанному на одностороннем волеизъявлении⁴⁶. По мнению же курфюрстов отречение Карла V свершилось собственно только во Франкфурте, ибо лишь там — несмотря на его отсутствие — был зачитан акт об отречении в отношении Империи и публично санкционирован уход на покой. Эта точка зрения была подтверждена церемониалом. Отречение Карла и вступление в наследство Фердинанда были соединены в одной церемонии, единой во времени и пространстве. Примечательно и то, что принятие новой выборной капитуляции Фердинанда было инсценировано именно перед актом отречения Карла. Тем самым согласие курфюрстов на избрание Фердинанда императором следовало прежде зафиксированного в процессе отречения Карла передачи имперского достоинства его брату. Курфюрсты подчеркивали посредством подобного порядка, что имперское достоинство не имеет наследников, представленных в декларации предшественника, но покоится на новых выборах. Интересно, что детали указанной церемонии во Франкфуртском соборе Св. Варфоломея протекали словно бы на трех «сценах», различавшихся при взгляде на символику места, участвовавших актеров и адресатов, равно как в различных интенциях самих участников.

Заключение

Поскольку уход на покой государя вплоть до XVII в. едва ли обсуждался в юридических трактатах, не говоря уже о правовых нормативах, и долго еще лежал вне мыслимых представлений современников, соответственно не было и рассуждений о порядке подобных прецедентов. Уравнивание смерти и отречения в XVI и XVII вв. предлагало поэтому вполне определенное решение проб-

---

⁴⁶ Zeremonielle Gestaltung. S. 429. *Cedulam* (lat.) = *Schedulam*: Zettel.

лемы, и было не в последнюю очередь следствием выше цитированных представлений современников, что только смерть и вместе с тем Бог могут положить конец дарованному на время жизни правлению. Если властитель умер, то с введением наследника формировалась четкая, публичная и в правовом отношении легитимная гарантия власти. Тем самым, необычный и редкий акт добровольного отказа от власти был смягчен, и, кроме того, исключался возможный кризис династии и страны. После отречения Карла V в Брюсселе от Нидерландов, Испании и Священной Римской империи подобного рода церемониал служил образцом для добровольного оставления трона Яном Казимиром Польским, Христиной Шведской и другими европейскими монархами раннего нового времени.

Впрочем, несмотря на то что отречение Карла V как императора от всех других его властных регалий позже стало прецедентом для подобного рода актов во всей Европе и нашло даже подражание в качестве церемониала, следует подчеркнуть: собственно *отречение* тогда не состоялось. Отречение выступает историческим событием, следующим в контексте текущих политических обстоятельств и под влиянием культурно-правовых особенностей. Оно хранит исключительность, несмотря на многочисленные общие и схожие черты с предшествовавшими образцами⁴⁷.

Карл знал, когда пробьет его час. Он освободился от тягот бременной власти, хотя владычество его простиралось над Старым и Новым Светом, в котором никогда не заходило солнце.

Информация о статье

Richter, S. Визуальный правовой акт: Церемония отречения Карла V как императора от Нидерландов и Священной Римской империи, в кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Vol. 2(14). P. 96–123.

Сюзан Рихтер

д. и. н., Исторический семинар университета Гейдельберга (69117, Germany, Heidelberg, Grabengasse 3–5; aud. 229)

susan.richter@zegk.uni-heidelberg.de

УДК 94 (44)

⁴⁷ «В 1556 г. Карл объявил о сложении имперских полномочий, в 1558 г. последовала публичная фиксация этого акта» (*Richter; S. Zeremonieller Schlusspunkt. S. 79*).

Церемониал отречения рассматривается ниже на примерах сложения властных полномочий Карла V в Нидерландах 25 октября 1555 г. и как императора в Священной Римской империи. Церемониал отречения для Нидерландов выводил Карла V из обратного порядка различных элементов церемониала восшествия на престол, собственно коронации или присяги. Кроме того, он вычленил составные образующие актов, которые обычно осуществлялись по смерти государя и сопровождали передачу власти наследнику. Центральным пунктом исследуемого отречения Карла V стала речь, пояснявшая отречение. Ее следует рассматривать главным ядром всего акта и связующим звеном между визуальными элементами. Она вела к юридическому исполнению отречения посредством подписи под актом отречения. Одновременно речь обосновывала редукцию обоих тел монарха за счет образного переноса «политического тела» на «тело естественное». Юридически отречение означало поэтому символическую смерть персоны властителя и его властных полномочий. Эта символическая смерть позволяет предполагать тесную связь прощальной речи по содержанию и интенциям с государевыми завещаниями.

Ключевые слова: политическое тело, естественное тело, княжеские зеркала, Эразм Роттердамский, Фердинанд I, курфюрсты

Information on the article

Richter, S. Vizual'nyy pravovoy akt: Tseremoniya otrecheniya Karla V kak imperatora ot Niderlandov i Svyashchennoy rimskoy imperii [The visual legal act: The abdication ceremonial of Charles V as the Emperor of the Holy Roman Empire], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*. 2016. Vol. 2(14). P. 96–123.

Susan Richter

PhD in History, Historical seminar, Heidelberg University (69117, Germany, Heidelberg, Grabengasse 3–5; aud. 229)

susan.richter@zegk.uni-heidelberg.de

The text discusses the abdication ceremonial of Charles V in the Netherlands, 25 October 1555, as the Emperor of the Holy Roman Empire. The ceremonial was made as a combination in the inverse order of the various elements of the accession to the throne ritual (actual coronation, oath). In addition, it used certain components from the acts that were usually carried out after the death of the Emperor, and was accompanied by the transfer of power to the heir. The central part of the ceremonial was the abdication speech of Charles V, that explained his reasons. It should be considered the main core of the whole act that linked its visual elements and led to legal execution of the abdication. At the same time

it justified the reduction of both the monarch bodies shaped by the transfer of the «political body» to the «natural body». Legally the abdication meant to be symbolic death of the ruler and his powers. This symbolic death suggests close relationship of the abdication speech and the sovereign's will. The author examines the abdication ceremonial of Charles V in the wide textual context, showing that it was a completely new precedent in legal issues. Certain correspondence with ideas of Erasmus von Rotterdam on the Christian ideal ruler and the text of abdication are shown.

Key words: political body, natural body, princely Mirror, Erasmus, Ferdinand I, Electors

Список источников и литературы

Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V. Frankfurt am Main: Veruert, 2000. 439 S. (*Studia Hispanica* 9).

Austin, J. L. Zur Theorie der Sprechakte: Bibliogr. erg. Ausg. 2002. Stuttgart: Reclam, 2014. 217 S.

Bosbach, F. *Monarchia universalis: Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1988. 183 S.

Conrads, N. Die Abdankung Kaiser Karls V.: Abschiedsvorlesung gehalten am 23. Juli 2003 in der Universität Stuttgart. Stuttgart: Univ.-Bibliothek. 50 S.

Das dargestellte Ich: Studien zu Selbstzeugnissen des späteren Mittelalters und der frühen Neuzeit. Bochum: Winkler, 1999. 300 S.

Die Goldene Bulle. Das Reichsgesetz Kaiser Karls IV. vom Jahre 1356: dem Gedächtnis und der Würdigung Karls IV., römisch-deutscher Kaiser, König von Böhmen / Hrsg. von W. D. Fritz. Weimar: Böhlau, 1978. 88 S.

DRTA Reichsversammlungen 1556–1662: Der Kurfürstentag zu Frankfurt 1558 und der Reichstag zu Augsburg 1559. / Hrsg. von J. Leeb. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 535 S.

Erasmus von Rotterdam. *Institutio Principis Christiani. Fürstenerziehung /* Ed. A. Gail. Schönigh: Paderborn, 1968. 238 p.

Eßer, R. Landgraf Moritz' Abdankung und sein politisches Vermächtnis, in: *Landgraf Moritz der Gelehrte: Ein Calvinist zwischen Politik und Wissenschaft.* Marburg: Trautvetter & Fischer, 2000. S. 196–214.

Fischer-Lichte, E. *Ästhetik des Performativen.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. 376 S.

Frisch, H. v. *Der Thronverzicht: Ein Beitrag zur Lehre vom Verzicht im öffentlichen Recht.* Tübingen: Mohr, 1906. 142 S.

Fühner, J. A. *Die Kirchen- und die antireformatorische Religionspolitik Kaiser Karls V. in den siebzehn Provinzen der Niederlande 1515–1555.* Leiden: Brill, 2004. 414 S.

Gail, A. Fürstenerziehung: Die Erziehung eines christlichen Fürsten. Paderborn: Schöningh, 1968. 238 S.

Georg Engelhard Löhneysen. Hof- Staats- und Regier-Kunst : Bestehend in dreyen Büchern, deren Erstes handelt Von Erziehung und Information Junger Herren: Das Andre Vom Ambt, Tugenden und Qualitäten Regierender Fürsten, auch Bestellung deren Rächte, Officirer und Diener. Das Dritte Von verschiedenen Rahts-Collegiis, so ein Fürst... in seinem Lande haben muß. Das Religion-Policey- Justitz- Cammer- Berg- und Kriegs-Wesen betreffend. Allen Regenten, Fürstlichen Rächten, Hof- Land- und Kriegs-Officirern, auch denen Unterthanen... beschrieben. Benebenst einem angefügten Discurs von denen zweyen des H. Römischen Reichs höchsten Gerichten, dem Käyserl. Reichs-Hofrath und Cammer-Gericht zu Speyr. Itzo mit Fleiß durchsehn, auch an einigen Orten vermehret. Frankfurt am Main: S.n., 1679. 777 p.

Graue Theorie: Die Kategorien Alter und Geschlecht im kulturellen Diskurs. Wien/Köln/Weimar: Böhlau, 2007. 302 S.

Johannes Groner. Zu trost allen armen gewissen: Eyn kleyn buchlyn, zur anthwort auff nach=folgende artickel, Den hochgebornen Herrn, Herrn Wolff vnd Johan Fursten von An=holt [et]c. eyngelegt. Wittemberg: Hans Lufft, 1524. 32 p.

Headley, J. M. Gattinara, Erasmus, and the Imperial Configurations of Humanism, in: *Archiv für Reformationsgeschichte — Archive for Reformation History*. 1980. Vol. 71. P. 64–98.

Caspar Hedio. Trost geschrift: Durch Caspar Hedion, der heiligen geschrift Doctor, in[n] eyl angestellt, vnd dem... Fürsten... Ott Hainrichen, Pfaltzgrauen bey Rein... zuegeschickt. S.l.: S.n., 1546. 44 p.

Hof, Staat und Gesellschaft in der Literatur des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von E. Blühm. Amsterdam: Rodopi, 1982. 431 S.

Johann Christian Lünig. Theatrum Ceremoniale Historico-Policum: Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Päbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden. Auch wie Käyser, Könige, Chur- und Fürsten, Grafen und Herren... einander in Briefen tractiren, Nebst unterschiedlichen Hof-Ordnungen. Leipzig: Weidmann, 1720. 1700 p.

Johann Wilhelm Hoffmann. Johann Wilhelm Hoffmanns Sammlung: Unge-druckter und zu den Geschichten, auch Staats-Lehn-und andern Rechten des Heil. Römischen Reichs gehöriger Nachrichten, Documente und Urkunden. Halle: Waisenhaus, 1736. 646 p.

Kantorowicz, E. Die zwei Körper des Königs: Eine Studie zur politischen Theologie des Mittelalters. München: DTV, 1990. 562 S.

Karl V. 1500–1558: Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. 829 S. (*Zentraleuropa-Studien* 6).

Kohler, A. Quellen zur Geschichte Karls V. Darmstadt: Wiss. Buchges, 1990. 527 S.

Kohler, A. Karl V. 1500–1558: Eine Biographie. Berlin: C. H. Beck, 2005. 424 S.

Kotulla, M. Deutsche Verfassungsgeschichte: Vom Alten Reich bis Weimar (1495–1934). Berlin/Heidelberg: Springer, 2008. 693 S.

Landgraf Moritz der Gelehrte: Ein Calvinist zwischen Politik und Wissenschaft. Marburg: Trautvetter & Fischer, 2000. 264 S. (*Beiträge zur Hessischen Geschichte* 15).

Lautemann, W. Renaissance, Glaubenskämpfe, Absolutismus. München: Bayer. Schulbuch-Verl, 1966. 758 S.

Leonhard Werner. Fürstlicher Trostspiegel, vnd Christlicher Seelen trost: In Wellichem gründlich verleiht ist, wie eines Fürsten vnd Regenten hertz, sampt seinen Christlichen ehrliebenden vnterthanen... wider so mancherley versuchung vnd arglistigen anlauff verwaret sol sein. Frankfurt am Main: Feyerabendt & Hüter, 1564. 147 p.

Mayer, M. Rede vor den Generalstaaten der Niederlande am 25. Oktober 1555 in Brüssel. Hamburg: Europäische Verlagsanst, 2001. 59 S.

Mayer, M. Individualität und Zurückhaltung. Die Resignation Karls des Fünften in Brüssel, in: *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit*. Wien: Böhlau, 2010. S. 17–53.

Mayr, J. K. Die letzte Abdankung Karls V. (16. Jänner 1556), in: *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse*, 1931. S. 143–158.

Müller-Mertens, E. Geschichtliche Würdigung der Goldenen Bulle, in: *Die Goldene Bulle. Das Reichsgesetz Kaiser Karls IV. vom Jahre 1356: dem Gedächtnis und der Würdigung Karls IV., römisch-deutscher Kaiser, König von Böhmen / Hrsg. von W. D. Fritz*. Weimar: Böhlau, 1978. S. 9–34.

Neuhaus, H. Von Karl V. zu Ferdinand I. Herrschaftsübergang im Heiligen Römischen Reich: 1555–1558, in: *Recht und Reich im Zeitalter der Reformation: Festschrift für Horst Rabe / Hrsg. von C. Roll*. Frankfurt, Berlin, Bern, Wien: Lang, 1997. 2., überarb. Aufl. S. 417–440.

Neuhaus, H. Römischer König im Schatten des kaiserlichen Bruders? Zum Verhältnis zwischen Karl V. und Ferdinand I., in: *Karl V. 1500–1558: Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002.

Nolte, C. Der kranke Fürst: Vergleichende Beobachtungen zu Dynastie- und Herrschaftskrisen um 1500, ausgehend von den Landgrafen von Hessen, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 2000. Vol. 27. P. 1–36.

Reppen, K. Das Herrscherbild im 17. Jahrhundert. Münster: Aschendorff, 1991. 226 S.

Ribhegge, W. Erasmus und Karl V. — Der Intellektuelle und die Politik, in: Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V., in: *Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V.*: Frankfurt am Main: Vervuert, 2000. S. 159–187.

Richter, S. Fürstliche Testamente als Medium intergenerationeller Kommunikation, in: *Graue Theorie: Die Kategorien Alter und Geschlecht im kulturellen Diskurs*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2007.

Richter, S. Fürstentestamente der Frühen Neuzeit: Politische Programme und Medien intergenerationeller Kommunikation. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 541 S.

Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt: Die Abdankung als Herrschertod, in: Thronverzicht, in: *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit*. Wien: Böhlau, 2010. S. 75–94.

Recht und Reich im Zeitalter der Reformation: Festschrift für Horst Rabe / Hrsg. von C. Roll. Frankfurt/Berlin/Bern/Wien: Lang, 1997. 2., überarb. Aufl. 549 S.

Schneider, P. Die Gicht als psychosomatische Erkrankung am Beispiel des Vater-Sohn-Verhältnisses von Kaiser Karl V. und Philipp II. München/Leipzig: Schneider, 1996. 116 S.

Singer, B. Die Fürstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des Humanismus und der Reformation: Bibliographische Grundlagen und ausgewählte Interpretationen: Jakob Wimpfeling, Wolfgang Seidel, Johann Sturm, Urban Rieger. München: Fink, 1981. 356 S.

Stollberg-Rilinger, B. Zeremoniell, Ritual, Symbol, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 2000, No 27. S. 389–405.

Strohmeyer, A. Karl V. und die Universalmonarchie in der deutschen Geschichtsforschung, in: *The histories of Emperor Charles V: Nationale Perspektiven von Persönlichkeit und Herrschaft* / Hrsg. von M. Fuchs, S. Dixon. Münster: Aschendorff-Verlag, 2005. S. 45–61.

Tersch, H. Die schwermütige Betrachtung des Kometen — Politik und Emotion im «Weißkunig», in: *Das dargestellte Ich: Studien zu Selbstzeugnissen des späteren Mittelalters und der frühen Neuzeit*. Bochum: Winkler, 1999. S. 63–91.

The histories of Emperor Charles V: Nationale Perspektiven von Persönlichkeit und Herrschaft / Hrsg. von M. Fuchs, S. Dixon. Münster: Aschendorff-Verlag, 2005. 294 S.

Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit. Wien: Böhlau, 2010. 347 S.

Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit: Überarb. Fassungen von Vorträgen, gehalten vom 31. März bis 3. April 1993 in der Philipps-Universität Marburg. Tübingen: Niemeyer, 1995. 833 S.

References

Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V. Frankfurt am Main: Veruert, 2000. 439 S. (*Studia Hispanica* 9).

Austin, J. L. Zur Theorie der Sprechakte: Bibliogr. erg. Ausg. 2002. Stuttgart: Reclam, 2014. 217 S.

Bosbach, F. *Monarchia universalis: Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1988. 183 S.

Conrads, N. Die Abdankung Kaiser Karls V.: Abschiedsvorlesung gehalten am 23. Juli 2003 in der Universität Stuttgart. Stuttgart: Univ.-Bibliothek. 50 S.

Das dargestellte Ich: Studien zu Selbstzeugnissen des späteren Mittelalters und der frühen Neuzeit. Bochum: Winkler, 1999. 300 S.

DRTA Reichsversammlungen 1556–1662: Der Kurfürstentag zu Frankfurt 1558 und der Reichstag zu Augsburg 1559. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 535 S.

Gail, Anton (Ed.). Erasmus von Rotterdam. *Institutio Principis Christiani*. Fürstenerziehung. Schöningh: Paderborn, 1968. 238 p.

Eßer, R. Landgraf Moritz' Abdankung und sein politisches Vermächtnis, in: (Hrsg. von) *Landgraf Moritz der Gelehrte: Ein Calvinist zwischen Politik und Wissenschaft*. Marburg: Trautvetter & Fischer, 2000. S. 196–214.

Fischer-Lichte, E. *Ästhetik des Performativen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. 376 S.

Frisch, H. v. *Der Thronverzicht: Ein Beitrag zur Lehre vom Verzicht im öffentlichen Recht*. Tübingen: Mohr, 1906. 142 S.

Fritz, W. D. (Hrsg. von). *Die Goldene Bulle. Das Reichsgesetz Kaiser Karls IV. vom Jahre 1356: dem Gedächtnis und der Würdigung Karls IV., römisch-deutscher Kaiser, König von Böhmen*. Weimar: Böhlau, 1978. 88 S.

Fuchs, M., Dixon, S. (Hrsg.). *The histories of Emperor Charles V: Nationale Perspektiven von Persönlichkeit und Herrschaft*. Münster: Aschendorff-Verlag, 2005. 294 S.

Fühner, J. A. *Die Kirchen- und die antireformatorische Religionspolitik Kaiser Karls V. in den siebzehn Provinzen der Niederlande 1515–1555*. Leiden: Brill, 2004. 414 S.

Gail, A. *Fürstenerziehung: Die Erziehung eines christlichen Fürsten*. Paderborn: Schöningh, 1968. 238 S.

Georg Engelhard Löhneysen. *Hof- Staats- und Regier-Kunst: Bestehend in dreyen Büchern, deren Erstes handelt Von Erziehung und Information Junger Herren: Das Andre Vom Ampt, Tugenden und Qualitäten Regierender Fürsten, auch Bestellung deren Rächte, Officirer und Diener. Das Dritte Von verschiedenen Rahts-Collegiis, so ein Fürst... in seinem Lande haben muß. Das Religion-Policy- Justitz- Cammer- Berg- und Kriegs-Wesen betreffend*. Allen Regenten,

Fürstlichen Rächten, Hof- Land- und Kriegs-Officirern, auch denen Unterthanen... beschrieben. Benebenst einem angefügten Discurs von denen zweyen des H. Römischen Reichs höchsten Gerichten, dem Käyserl. Reichs-Hofrath und Cammer-Gericht zu Speyr. Itzo mit Fleiß durchsehn, auch an einigen Orten vermehret. Frankfurt am Main: S.n., 1679. 777 p.

Graue Theorie: Die Kategorien Alter und Geschlecht im kulturellen Diskurs. Wien/Köln/Weimar: Böhlau, 2007. 302 S.

Johannes Groner. Zu trost allen armen gewissen: Eyn kleyn buchlyn, zur anthwort auff nach=folgende artickel, Den hochgebornen Herrn, Herrn Wolff vnd Johan Fursten von An=holt [et]c. eyngelegt. Wittemberg: Hans Lufft, 1524. 32 p.

Headley, J. M. Gattinara, Erasmus, and the Imperial Configurations of Humanism, in: *Archiv für Reformationsgeschichte — Archive for Reformation History*. 1980. Vol. 71. P. 64–98.

Caspar Hedio. Trost geschriff: Durch Caspar Hedion, der heiligen geschriff Doctor, in[n] ey l angestellt, vnd dem... Fürsten... Ott Hainrichen, Pfaltzgrauen bey Rein... zuegeschickt. S.l.: S.n., 1546. 44 p.

Hof, Staat und Gesellschaft in der Literatur des 17. Jahrhunderts. Amsterdam: Rodophi, 1982. 431 S.

Johann Christian Lünig. Theatrum Ceremoniale Historico-Policum: Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Päbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden. Auch wie Käyser, Könige, Chur- und Fürsten, Grafen und Herren... einander in Briefen tractiren, Nebst unterschiedlichen Hof-Ordnungen. Leipzig: Weidmann, 1720. 1700 p.

Johann Wilhelm Hoffmann. Johann Wilhelm Hoffmanns Sammlung: Unge-druckter und zu den Geschichten, auch Staats-Lehn-und andern Rechten des Heil. Römischen Reichs gehöriger Nachrichten, Documente und Urkunden. Halle: Waisenhaus, 1736. 646 p.

Kantorowicz, E. Die zwei Körper des Königs: Eine Studie zur politischen Theologie des Mittelalters. München: DTV, 1990. 562 S.

Karl V. 1500–1558: Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. 829 S. (*Zentraleuropa-Studien* 6).

Kohler, A. Quellen zur Geschichte Karls V. Darmstadt: Wiss. Buchges, 1990. 527 S.

Kohler, A. Karl V. 1500–1558: Eine Biographie. Berlin: C. H. Beck, 2005. 424 S.

Kotulla, M. Deutsche Verfassungsgeschichte: Vom Alten Reich bis Weimar (1495–1934). Berlin/Heidelberg: Springer, 2008. 693 S.

Landgraf Moritz der Gelehrte: Ein Calvinist zwischen Politik und Wissenschaft. Marburg: Trautvetter & Fischer, 2000. 264 S. (*Beiträge zur Hessischen Geschichte* 15).

Lautemann, W. Renaissance, Glaubenskämpfe, Absolutismus. München: Bayer. Schulbuch-Verl, 1966. 758 S.

Leonhard Werner. Fürstlicher Trostspiegel, vnd Christlicher Seelen trost: In Wellichem gründtlich verleiht ist, wie eines Fürsten vnd Regenten hertz, sampt seinen Christlichen ehrliebenden vnterthanen... wider so mancherley versuchung vnd arglistigen anlauff verwaret sol sein. Frankfurt am Main: Feyerabendt & Hüter, 1564. 147 p.

Mayer, M. Rede vor den Generalstaaten der Niederlande am 25. Oktober 1555 in Brüssel. Hamburg: Europäische Verlagsanst, 2001. 59 S.

Mayer, M. Individualität und Zurückhaltung. Die Resignation Karls des Fünften in Brüssel, in: (Hrsg. von) *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit*. Wien: Böhlau, 2010. S. 17–53.

Mayr, J. K. Die letzte Abdankung Karls V. (16. Jänner 1556), in: *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse*, 1931. S. 143–158.

Müller-Mertens, E. Geschichtliche Würdigung der Goldenen Bulle, in: *Fritz, W. D.* (Hrsg. von) *Die Goldene Bulle. Das Reichsgesetz Kaiser Karls IV. vom Jahre 1356: dem Gedächtnis und der Würdigung Karls IV., römisch-deutscher Kaiser, König von Böhmen*. Weimar: Böhlau, 1978. S. 9–34.

Neuhaus, H. Von Karl V. zu Ferdinand I. Herrschaftsübergang im Heiligen Römischen Reich: 1555–1558, in: *Roll, C.* (Hrsg. von) *Recht und Reich im Zeitalter der Reformation: Festschrift für Horst Rabe*. Frankfurt, Berlin, Bern, Wien: Lang, 1997. S. 417–440.

Neuhaus, H. Römischer König im Schatten des kaiserlichen Bruders? Zum Verhältnis zwischen Karl V. und Ferdinand I., in: (Hrsg. von) *Karl V. 1500–1558: Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002.

Nolte, C. Der kranke Fürst: Vergleichende Beobachtungen zu Dynastie- und Herrschaftskrisen um 1500, ausgehend von den Landgrafen von Hessen, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 2000. Vol. 27. P. 1–36.

Reppen, K. Das Herrscherbild im 17. Jahrhundert. Münster: Aschendorff, 1991. 226 S.

Ribhegge, W. Erasmus und Karl V. — Der Intellektuelle und die Politik, in: Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V., in: (Hrsg. von) *Aspekte der Geschichte und Kultur unter Karl V.* Frankfurt am Main: Vervuert, 2000. S. 159–187.

Richter, S. Fürstliche Testamente als Medium intergenerationaler Kommunikation, in: (Hrsg. von) *Graue Theorie: Die Kategorien Alter und Geschlecht im kulturellen Diskurs*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2007.

Richter, S. Fürstentestamente der Frühen Neuzeit: Politische Programme und Medien intergenerationeller Kommunikation. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 541 S.

Richter, S. Zeremonieller Schlusspunkt: Die Abdankung als Herrschertod, in: Thronverzicht, in: (Hrsg. von) *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit*. Wien: Böhlau, 2010. S. 75–94.

Roll, C. (Hrsg.). Recht und Reich im Zeitalter der Reformation: Festschrift für Horst Rabe. Frankfurt/Berlin/Bern/Wien: Lang, 1997. 549 S.

Schneider, P. Die Gicht als psychosomatische Erkrankung am Beispiel des Vater-Sohn-Verhältnisses von Kaiser Karl V. und Philipp II. München/Leipzig: Schneider, 1996. 116 S.

Singer, B. Die Fürstenspiegel in Deutschland im Zeitalter des Humanismus und der Reformation: Bibliographische Grundlagen und ausgewählte Interpretationen: Jakob Wimpfeling, Wolfgang Seidel, Johann Sturm, Urban Rieger. München: Fink, 1981. 356 S.

Stollberg-Rilinger, B. Zeremoniell, Ritual, Symbol, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 2000, No 27. S. 389–405.

Strohmeier, A. Karl V. und die Universalmonarchie in der deutschen Geschichtsforschung, in: Fuchs, M; Dixon, S. (Hrsg. von) *The histories of Emperor Charles V: Nationale Perspektiven von Persönlichkeit und Herrschaft*. Münster: Aschendorff-Verlag, 2005. S. 45–61.

Tersch, H. Die schwermütige Betrachtung des Kometen — Politik und Emotion im «Weißkunig», in: (Hrsg. von) *Das dargestellte Ich: Studien zu Selbstzeugnissen des späteren Mittelalters und der frühen Neuzeit*. Bochum: Winkler, 1999. S. 63–91.

Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit. Wien: Böhlau, 2010. 347 S.

Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit: Überarb. Fassungen von Vorträgen, gehalten vom 31. März bis 3. April 1993 in der Philipps-Universität Marburg. Tübingen: Niemeyer, 1995. 833 S.